

УДК 821.161.1.09

АКСИОЛОГИЯ ШЕСТИДЕСЯТНИЧЕСТВА
(на примере мемуаров А.И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом»
и Л.К. Чуковской «Процесс исключения»)

© 2010 *Е.Г. Серебрякова*

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 ноября 2009 года

Аннотация: *Статья посвящена анализу системы нравственных ценностей либеральной советской интеллигенции 1960–1970-х годов. В качестве примера взяты книги А. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и Л. Чуковской «Процесс исключения». В работе проанализированы нравственные ценности шестидесятников, вскрыто совпадение базовых ценностей представителей неконформизма и официальной культуры, выявлено единство культурных кодов противоборствующих лагерей.*

Ключевые слова: *аксиология, шестидесятники, либеральная советская интеллигенция, нравственные ценности, неконформизм, культурные коды*

Abstract: *The article is devoted to the analysis to the system of moral values of liberal Soviet intelligentsia of 1960–70s. As an example, the following books have been considered: A.Solzhenitsyn “The Oak and the Calf”, L.Chukovskaya “The Process of Elimination”. In the work the moral values of dissidents are analyzed, the coincidence of the basic values of nonconformists and the representatives of the official culture is exposed, the unity of cultural codes of the confronting sides is displayed.*

Key words: *axiology, men of the sixties, liberal Soviet intelligentsia, moral values, nonconformists, cultural codes.*

Мемуары А.И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и Л.К. Чуковской «Процесс исключения» разделяет несколько лет. Солженицын создавал свою книгу с 1967 по 1974 годы, Чуковская в 1977–1978 годах. Они появились в чрезвычайно напряжённый период жизни обоих и посвящены истории борьбы литераторов за свободу слова — основное условие творчества писателей. Книги, без сомнения, были адресованы единомышленникам и распространялись в Самиздате. Но, писанные для «своих», они предполагали и «чужого» читателя — представителей власти, спецорганов. В задачу литераторов входила демонстрация своей гражданской, этической и эстетической позиции, в которой обнаруживается открытость к диалогу, пусть предельно конфликтному, но диалогу.

При знакомстве с текстами нельзя не заметить их очевидного сходства на уровне жанра («очерки литературной жизни» у Солженицына и «очерк литературных нравов» у Чуковской), композиции, стилистики, действующих персонажей, настойчивом взаимном цитировании и упоминании. Близость текстов продиктована не подражательством Чуковской, сильного, самобытного прозаика и публициста, более раннему тексту, а общностью жизненных и нравственных позиций авторов. События, описанные Солженицыным и Чуковской, — только их личный жизненный опыт, но мысли и чувства свойственны многим. Система духовных ценностей литераторов едина для целого поколения либерально мыслящей интеллигенции и позволяет выявить аксиологию шестидесятничества.

Картина мира обоих писателей антропоцентрична. Человек в ней занимает центральное место, он высшая ценность и цель социальных пре-

© Серебрякова Е.Г., 2010

образований. Эта позиция предполагает акцент на нравственном переживании социальных явлений и практическую направленность философских, социально-политических и эстетических идей. Этот базовый принцип выявляет генезис аксиологии литераторов. Отвечая на вопросы «кто мы?» и «откуда?», оба указывают один источник – русская классическая литература. И он же выявляет принципиальный узел разногласий с режимом: не из советской, а из русской классики ведут свою родословную литераторы. Так оба артикулируют иную позицию самоопределения по отношению к официальной культуре.

Одним из обязательных условий творческой самореализации личности является духовная свобода. Отстаивание литератором этого непреложного права – главная коллизия обеих книг. У Солженицына эта идея решена в онтологическом плане: свое писательство он осмысливает как миссию, за которую ответственен перед Богом и только ему подвластен. Чуковская, не насыщая текст религиозным смыслом, настойчиво напоминает об архетипичности конфликта художника и власти, отсылая читателей к аксиологии русской интеллигенции, традиционно находящейся в оппозиции к режиму. Её примеры взяты преимущественно из истории русской литературы: от века XIX (А. Пушкин, Е. Баратынский, Ф. Достоевский) через 20–30-е годы XX столетия (М. Зощенко, А. Ахматова, О. Мандельштам) – к современникам Б. Пастернаку, А. Солженицыну. Оба автора согласны в том, что писательство – это путь служения правде, а значит, Отечеству, народу, потомкам. Этот нравственный долг выше личного. Чуковская приводит слова Баратынского из письма Плетнёву (1831 г.): «Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия»¹ (Чуковская, 143). Для Солженицына жизнь повседневно-бытовая – «пренебрежённая второстепенная область» (Солженицын, 394), а о возможном захвате семьи в заложники сказано: «Наши дети не дороже памяти замученных миллионов»² (Солженицын, 388).

Свою писательскую биографию, наполненную борьбой за непреложное право публиковать написанное, литераторы осмысливают как факт социально-исторический: в условиях пробудившегося сознания современников именно они, художники слова, обязаны прорвать блокаду немоты в обществе. Дело писателей – это слово, потому так страстны, гневны и подробны их свидетельства. Словом можно моделировать сознание народа – это убеждение литераторов типично для русской классики XIX века, но не свойственно марксистско-ленинской философии, утверждавшей примат базиса над надстройкой, к которой относились литература и искусство.

Будущее страны определяется ежедневным личным выбором. Гражданская история творится конкретными людьми, стоящими по разные стороны баррикад, потому необходимо помнить всех и всё: гнусности режима и друзей, жертвующих не только благополучием, но и жизнью. Оба пишут для потомков. Это история героического сопротивления поколения, а значит, надо четко запечатлеть вехи борьбы: травля Пастернака, дело Синявского и Даниэля, преследование Солженицына, деятелей Самиздата, правозащитников. Так из имен единомышленников и палачей оба слагают летопись противостояния Правды и Лжи, свободы и тирании. Конечная цель писателей – пересоздать действительность по законам Правды – типична для позиции художников слова XIX века. Оба стремятся вскрыть язвы общества, чтобы его очистить. В книгах нет онтологического неприятия режима и понимания того, что данное социальное устройство не поддаётся улучшению в принципе, потому их нельзя назвать антисоветскими произведениями. Более того, их дальнейший анализ позволяет выявить подлинно советскую ментальность авторов, возможно, неосознаваемую.

Основополагающим элементом картины мира является восприятие художником времени и пространства. Спецификой культуры XX века стало доминирование категории времени над пространством. Оценивая восприятие времени шестидесятниками, следует охарактеризовать его как линейное, устремлённое от тоталитарного прошлого к демократическому будущему. Современность, 1970-е годы, виделась как временный откат к неосталинизму, которому по мере сил должны противостоять все граждане. Истоки неосталинизма не отрефлексированы в книгах. Они видятся не в глубинных свойствах социалистической системы, а в трусости и непоследовательности власти, всеисилии КГБ, сознании народа, нуждающегося в гражданском воспитании. Эволюционизм и исторический позитивизм, свойственные Новому времени и питавшие русскую классическую литературу, в трансформированном виде вошли и в марксизм. Как видим, в мировоззренческой позиции шестидесятников угадываются не только русские, но и советские истоки.

Модель личного поведения двух художников канонична: она строится по схожим образцам – это биографии русских писателей XIX века. Солженицын, размышляя о различиях своей жизненной позиции и Твардовского, пишет: «Расхождение наше было расхождением литературы русской и литературы советской, а вовсе не личное» (Солженицын, 143), «Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дольше прилегать локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы» (Солженицын, 176). На ту же нрав-

ственную максимум ориентирована и Чуковская. Потребность литераторов подкрепить свою модель личного поведения безусловными для русского сознания авторитетами свидетельствует о категоричности идейного противостояния режиму, при котором в союзники себе выбираются не только современники, но и великие предшественники. Таким образом, духовная свобода, декларированная как обязательное свойство личности, оказывалась для авторов неабсолютной. Она предполагала независимость от власти, но вовсе не означала полной свободы личностного поведения, а значит, и жизни. В этой позиции узнаются не только традиции революционной демократии, но и революционная героика века XX.

Некоторая вторичность такого поведения не смущает авторов, напротив, в ориентации на образцы они видят дидактический смысл — на героических типах поведения, взращенных советской историей, воспитано то поколение современников, к которому обращаются оба. Для шестидесятников органичным оказывалось поведение борца. При этом, как бы ни выстраивали свою «родословную» Солженицын и Чуковская (православные мученики, юродивые, русские литераторы предшествующего столетия), сквозь неё просвечивают ближайшие истоки: «То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры, диво — когда писатели» (Солженицын, 6). Антитеза «русский — советский», к которой апеллируют оба автора, кроме глубинной православной бинарности, держится на противопоставлении «наш — чужой», типичной для советского сознания. Так перед нами разворачивается картина мира, расколотого на «своих» и «чужих», увиденная глазами советского интеллигента.

Как и в позапрошлом столетии, борцы с тиранией в XX веке были воспитаны самим режимом, сознание их не было свободно от идеологических мифов своего времени, только вместо советской мифологии вставала новая — нонконформистская. Согласно ей, борцы за подлинную демократию воскрешают лучшие традиции российской интеллигенции, сплачивают единомышленников в единый фронт, создают в противовес лживой советской печати свою — независимую и свободную. Советское государство явно мифологизируется обоими, оно предстаёт Юпитером, пожирающим своих сынов. Эту склонность к мифологизации государства отмечал в воззрениях Солженицына К. Чуковский, относящийся к писателю с нескрываемой симпатией, приютивший его в период гонений. «В его правде есть неправда»³ — записал он в дневнике. Страны западной демократии, идеализированные нонконформистами, виделись надёжными союзниками. Поэтому распространение рукописей в Тамиздате и на западных радиостанциях являлось неотъемлемой частью борьбы с внутренним врагом — тоталитаризмом.

В иерархии нонконформистских мифопостроений каждому, включая авторов, отводилось своё место. Чуковская упоминает о литературе «досолженицынского периода» (Чуковская, 22), ясно обозначая высшую точку в системе нравственных координат истинного литератора. Солженицын, опираясь в своих очерках на агиографию, воскрешает и свойственную древнерусскому жанру автоканонизацию⁴. В русской литературе XIX века встречались примеры мифологизации автором собственной персоны, например, в поэзии Серебряного века, но те авторские мифы были вписаны в эстетические мифопостроения. В данном случае перед нами неомифы идеологического характера.

Картины мира очерков иерархична, что типично для всякого мифа. Это обнаруживает себя в чёткой расстановке персонажей книг по ценностному ранжиру: на верхнем ярусе у обоих — фигуры, заявившие о себе на международной арене: Синявский, Даниэль, Сахаров, Солженицын. Чуть ниже — единомышленники, спаянные почти фронтовым братством. Их много, и они перечислены поимённо: у Чуковской — А. Галич, Л. Копелев, В. Войнович, А. Искандер, Д. Самойлов, Б. Корнилов, И. Варламов, Е. Эткинд, В. Максимов, Л. Пантелеев. У Солженицына — И. Шафаревич, А. Гинзбург, Ю. Галансков, Б. Михайлов, Д. Борисов, Е. Барабанов, Р. и Ж. Медведевы, П. Григоренко. Нижнюю ступень образует собственно народ, одурманенный ложью и клеветой, с трудом высвобождающийся из-под идеологических пут, но всё же способный к ясным оценкам и духовной поддержке инакомыслящих.

«Советский — антисоветский. Какая разница?» — заметил однажды С. Довлатов. Применительно к очеркам Солженицына и Чуковской правота их современника очевидна: авторы мемуаров, их соратники и противники по борьбе существуют в одном идеологическом пространстве.

Это ментальное совпадение обнаруживается в ориентации книг Солженицына и Чуковской на образцы советской литературы, в частности на жанр романа-воспитания. Казалось бы, есть принципиальные отличия: классический роман-воспитание повествует о становлении личности под воздействием обстоятельств. В данном случае перед читателями предстают духовно зрелые, сформированные персонажи. Но главная коллизия очерков — оттачивание героями своих нравственных принципов в ходе неравной схватки — совершенно соответствует логике жанра. Влияние поэтики соцреализма на художественное творчество Чуковской выявила С. Форресер.⁵ Исследовательница отмечала жанровую переключку романа Горького «Мать» и повести «Софья Петровна». Наблюдения учёной позволяют

оценить влияние советской литературы на прозу Чуковской, от которого писательница в очерке демонстративно отказывалась и которое тем не менее испытала. Солженицын, повествуя о своих первых художественных опытах, не скрывает ориентации на образцы советской литературы (Солженицын, 17).

Человек в очерках Солженицына и Чуковской предстаёт вровень с политической и социальной Историей, способен её переделать по законам справедливости и правды. Этот базовый принцип соцреализма сохраняют в своей аксиологии шестидесятники. Воспитать с помощью литературы новое поколение людей – такую нравственную задачу ставили перед собой классики как советской, так и нонконформистской литературы.

Анализ книг Солженицына и Чуковской, как ярких представителей своего поколения, позволяет оценить не только аксиологию шестидесятничества, но и выявить единство культурного кода противоборствующих политических лагерей, осмыслить неоднозначность взаимоотношений официальной и контркультуры и утверждать, что конфронтация была связана с взаимной «зеркальностью» онтологических принципов обеих культур.

Серебрякова Е.Г.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
культурологии ФФП.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чуковская Л. Сочинения: в 2 т./ Л. Чуковская. М. : Гудьял-Пресс, 2000. – Т. 2. – 464 с. Далее в статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием автора и страницы в тексте.

2. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни / А. Солженицын. – Париж : YMCA-PRESS, 1975. – 629 с. Далее в статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием автора и страницы в тексте.

3. Чуковский К.И. Дневник 1901–1969. В 2 т.- М : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – Т. 2. – С. 466.

4. Автоканонизация проявляется не только в явных аллюзиях с житийной литературой, со свойственными ей мотивами юродства и самопожертвования, но и в отдельных репликах. Например, Солженицын сожалеет, что Ахматова умерла, ничего из его прозы не прочтя. Сожаление в данном случае вызвано не потребностью писателя в ахматовской оценке, а неполнотой правды о своей эпохе автора «Реквиема».

5. Форрестер С. «Мать» Горького как источник повести Чуковской «Софья Петровна» / С. Форрестер // Вопросы литературы. – № 5. – 2009. – С. 241-262.

Serebrjacova H.G.
Voronezh State University.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Culture Studien.